

Все сказанное также подчеркивает государственный, официальный характер культа правителя и его предков в древней Армении.

В заключение — несколько строк о социально-политической сущности изучаемого явления. Зарубежные исследователи, проделавшие огромную кропотливую работу по выявлению конкретных форм и проявлений культа правителя и царской династии в различные периоды и в различных странах ⁸⁶, сглаживают, вернее, почти отрицают его социально-политическое значение как средства поддержания централизованной власти монарха. Основным аргументом при этом служит следующее утверждение: культ правителей сложился на базе власти и мощи эллинистических властителей и, таким образом, он был следствием или симптомом их власти, но не средством ее поддержания ⁸⁷. Такое рассуждение граничит с софизмом. Нельзя не согласиться, что культ правителя стал возможным и осуществился тогда, когда правители получили огромную власть (об этом уже говорилось в начале), и в этом смысле культ явился следствием власти. Но ведь власть не была, раз возникнув, незыблемой. Нам хорошо известно, что постоянно угрожало власти эллинистических царей: агрессия других государств, центробежные стремления внутри своего государства, внутрдинастические междоусобия и, самое важное, неизменное недовольство низов. Власть, следовательно, нуждалась в постоянной опоре и поддержке, которую эллинистические монархи искали и находили у различных слоев господствующего класса, смотря по времени и месту, привлекая, конечно, к этому делу и духовное оружие, в первую очередь — религию.

В качестве второго аргумента в пользу упомянутой точки зрения выдвигается тот факт, что во многих случаях цари были «неповинны» в учреждении их культа — инициаторами выступали города, благодетельствованные или желавшие быть благодетельствованными царями, последним же оставалось благосклонно принимать предлагавшиеся почести.

Во-первых, отнюдь не известно, насколько инициатива городов была их собственной инициативой, а не была подсказана или инспирирована самими правителями. Практика взаимоотношений между царями и городами свидетельствует о том, что во многих случаях так оно и было.

Во-вторых, ведь, кроме городских, существовал еще и государственный культ правителя и его предков, который уже, никто не станет отрицать, учреждался и поддерживался самими правителями, притом с затратами значительных средств. Нельзя же всерьез думать, что все это делалось лишь с целью пощекотать свое самолюбие, когда на повестке дня стояли гораздо более насущные задачи.

Рассматривая изучаемое явление на фоне неустойчивости эллинистических государств, на фоне не всегда видной на поверхности, но наполнявшей их существование социальной и классовой борьбы, на фоне кризиса рабовладельческого строя, проявлявшегося на каждом шагу в явлениях экономического и политического порядка, нельзя не прийти к выводу, что институт культа царской власти в лице живого правителя и его предков был носителем серьезной социальной функции — поддержки господствующего класса в деле обеспечения его господства — и разделял эту функцию с другими орудиями и средствами государственной власти.

⁸⁶ См. обширную библиографию: Serfaux — Tondria u, ук. соч., стр. 9—

73. ⁸⁷ Nilsson, стр. 179 сл.; Serfaux — Tondria u, ук. соч., стр. 262.

Г. А. Пугаченкова

О ПАНЦИРНОМ ВООРУЖЕНИИ
ПАРФЯНСКОГО И БАКТРИЙСКОГО ВОИНСТВА

ВООРУЖЕНИЕ древних народов уже давно привлекает внимание исследователей как одна из реальных сторон военного искусства. Война была постоянным фактором в жизни стран и народов рабовладельческого мира, а военный успех обеспечивался как моральным состоянием войск, так и методами стратегии и тактики. Последние же непосредственно связаны были с уровнем военной техники, главное звено которой составляло вооружение.

Письменные источники, сохранившие детальные описания битв и сражений, многочисленные памятники археологии и изобразительного искусства позволяют представить реальную картину военного дела стран греко-римского мира. Но чем далее на восток, тем менее отчетливы представления о состоянии военного дела народов античной ойкумены. Это справедливо особенно в отношении Средней Азии. Скучные свидетельства греко-римских авторов, китайских хроник, санскритских текстов о происходивших здесь перемещениях больших этнических массивов, сменах династий, гибели одних царств и появлении других, не вызывают сомнений, что все эти крупные политические события сопровождались жестокими войнами. Но как происходили сами сражения — об этом источники почти не упоминают. До открытия каких-либо новых, притом локальных, отражающих конкретную обстановку местной исторической среды, письменных известий историю военного дела на территории Средней Азии могут пополнить лишь данные археологических наблюдений и памятники изобразительного искусства.

Исследования многочисленных городищ на территории среднеазиатских республик уже внесли существенный вклад в историю античной фортификации Хорезма, Северной Парфии, Северной Бактрии, а находки предметов вооружения — мечей, щитов, наконечников стрел и копий, каменных и керамических ядер — дают наглядное представление о некоторых ведущих типах наступательного и оборонительного оружия, отчасти пополняемое также данными иконографии монет, чеканившихся на территории среднеазиатских и индо-афганских областей в первые века до н. э. — первые века н. э.

Привлечение археологических и изобразительных материалов, таким образом, вполне зарекомендовало себя, а появление всякого рода новых памятников расширяет наши знания об истории военного дела древних народов Средней Азии.

В этом аспекте значительный интерес представляют новые данные о панцирном вооружении среднеазиатских народов.

Впервые проблема эта была рассмотрена С. П. Толстовым в его монографии «Древний Хорезм». Основные положения обширного экскурса, озаглавленного «Конница Кангюя», сводятся — в самом конспективном виде — к следующему¹. Описывая известный по «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха разгром в I в. до н. э. армии Красса парфянским войском под предводительством Сурены, использовавшего закованных в броню катафрактариев, С. П. Толстов отмечает: «Прямые свидетельства археологических памятников говорят нам за то, что этот тип вооружения и тактики был новостью не только для римлян, но и для самих парфян» (стр. 213). Эта новая тактика боя, примененная Суриной, «производит впечатление целиком перенесенной откуда-то издалека» (стр. 213). Ссылаясь на Герцфельда, С. П. Толстов считает, что Сурена происходит «от рода вождей... саков, поселенных Митридатом II между 123 и 111 гг. до н. э. на юго-востоке парфянских владений — в Сакастане» (стр. 214). Индо-парфянские и индо-сакские правители I в. до н. э. — I в. н. э. — Вонон, Азес I и Азес II, «исторически связанные с домом Суринов», изображены на монетах в виде катафрактария-копейщика в пластинчатом доспехе; но Сеистан вряд ли мог быть местом сложения новой тактики, она должна была проникнуть не с юго-востока, а с северо-востока. Изображение всадника пришло в сакский чекан I в. на нижнем Инде из Кангхи-Хорезма, «ибо массагетское племя сакараваков, вторгшееся сюда из Сеистана, начало свой путь от Хорезма», а сам этот образ всадника восходит к изображениям вооруженных всадников на хорезмских монетах и геммах, на эрмитажной чаще и Аниковском блюде — хорезмийского, как полагает автор, происхождения (стр. 214 сл.). Вслед за разбором материалов по древнему коневодству привлекаются сведения Геродота (I, 215) и Страбона (XI, 8, 6) о вооружении массагетов (стр. 219). В этой связи рассматриваются история вооружения восточноевропейских сарматов (уже детально разработанная М. И. Ростовцевым) и вопрос о возможности связей этого вооружения с «хорезмскими массагетами» (стр. 219 сл.). Далее прослеживается тип стрелкового вооружения «среднеазиатского катафрактария» (стр. 224 сл.), а затем на основании памятников ассирийского искусства (стр. 225—226) отмечается, что за исключением стрелкового оружия «в вооружении ассирийского и массагетско-хорезмийского катафрактария мы находим много общего» (стр. 226). По мнению С. П. Толстова, после походов Александра Македонского в Средней Азии происходит «сочетание воедино лучника и тяжеловооруженного всадника» (стр. 226—227). Первым крупным историческим дебютом этого лучника-катафрактария было «выступление массагетов-юежди, опрокинувших господство греко-македонян в Средней Азии и создавших великую Кушанскую империю» (стр. 227).

Высказанных положений С. П. Толстов придерживается в последних по времени работах²; ссылаясь на вскрытие древних (апасакиских, как он полагает) погребальных сооружений IV—III вв. до н. э. на нижней Сыр-Дарье, он считает также, что домусульманские (т. е. VI—VIII вв.) доспехи согдийцев восходят к броне «апасакиских катафрактариев»³.

Экскурс «Конница Кангюя» написан темпераментно и ярко, построен на обширном сравнительном материале, содержит ряд интересных мыслей и широких обобщений. Однако ныне, на наш взгляд, многое здесь нуждается в критическом пересмотре. К этому побуждают не только спорность некоторых авторских позиций, но прежде всего новые археологические от-

¹ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 211—227.

² S. P. Tolstov, *Les Scythes de l'Aral et le Khorezm*, «Iranica antiqua», I, Leiden, 1961, стр. 79—80; С. П. Толстов, *По древним дельтам Окса и Янсапта*, М., 1962, стр. 150.

³ Tolstov, *Les Scythes...*, стр. 80.

крытия, давшие важный материал о среднеазиатском вооружении и соответственно составе местных военных контингентов.

Детальный разбор экскурса о коннице Кангюя не входит в нашу задачу. Отметим лишь некоторые коренные и притом наиболее дискуссионные положения, которые имеют непосредственное отношение к теме данной статьи.

Выдвинутый С. П. Толстовым тезис о том, что тип бронированного вооружения армии Сурены и примененная им тактика боя явились «новостью» для самих парфян, ничем не подкреплена, кроме как отсутствием в источниках описаний более ранних римско-парфянских сражений, подобных блестящему, содержащему массу подробностей рассказу Плутарха. Указания на якобы «прямые свидетельства археологии» об отсутствии у парфян контингентов облаченных в доспехи воинов обосновываются лишь ссылками на традиционное монетное изображение Аршака на обороте аршакидских монет в виде легковооруженного лучника и на терракотовый рельеф Берлинского музея с фигурой легкого лучника, стреляющего на скаку.

Недоказательно утверждение, будто Сурена был «главой... полунезависимого сакского царского дома, резидировавшего в Сеистане и пришедшего сюда с севера, из прихорезмийских кочевий» (стр. 214), представителем рода вождей саков, переселенных Митридатом II на юго-восток Парфянской державы. Не затрагивая проблему массагетов и саков, сложность которой показал еще В. В. Григорьев⁴, отметим лишь, что вопрос о месте расселения саков, которых одни исследователи помещают в Семиречье, другие — в Припамирье, а С. П. Толстов — в прихорезмийских районах, стоит в ряду еще далеко не разрешенных проблем. Но важно подчеркнуть, что Митридат никуда не переселял саков, а они сами, опустошив Парфию, захватили в 128 г. Дрангиану, получившую по их имени название Сакастана, которой Митридат затем покорил; при этом сомнительно, чтобы во главе своей новой сатрапии он поставил вождя враждебного ему народа, а не парфянского наместника. Никаких данных (кроме ссылки на домысел Герцфельда) о том, будто род Суренов принадлежал к представителям сакской знати, нет; наоборот, именно Сурены изгнали саков из Сакастана на северо-восток⁵. Плутарх рисует Сурену — победителя при Каррах — приверженцем восходящих еще к ахеменидскому времени чисто иранских, но отнюдь не сакских традиций. Сурена был «огромный ростом и самый красивый из всех; его женственная красота, казалось, не соответствовала молве об его мужестве — по обычаю мидян, он притирал лицо румянами и разделял волосы пробором, тогда как прочие парфяне, чтобы казаться страшнее, носят волосы на скифский лад» (Cras., XXIV). За войском он по иранскому обычаю вез свой гарем — «целый парфянский Сибарис в виде длинной вереницы повозок с наложницами» (Cras., XXXII)⁶.

Таким образом, по существу нет никаких оснований к пересмотру традиционного взгляда на род Суренов как на самый могущественный после Аршакидов парфянский род. Домыслом являются и якобы исторические связи с домом Суренов индо-парфянских и индо-сакских царей — Вонона, Азеса и др.

Между тем, опираясь на приведенные выше положения как на доказанные, С. П. Толстов утверждает, что сложение новой военной тактики

⁴ В. В. Григорьев, О скифском народе саках, «Труды Вост. отд. Русск. арх. общ-ва», т. 16, СПб., 1872, стр. 93 сл.

⁵ W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India, Cambr., 1938, стр. 95, 224, 306.

⁶ Здесь и далее перевод В. В. Петуховой — Плутарх, Сравнительные жизнеописания, II, М., 1963.

с участием бронированных лучников произошло в Хорезме. В обоснование этого привлекаются также ссылки на Геродота и Страбона, памятники изобразительного искусства и археологические.

При обширных раскопках памятников древнего Хорезма были найдены бронзовые вызолоченные панцирные пластины пока лишь в позднеантичном (III в. н. э.) дворцовом здании Топрак-Калы⁷. Трудно определить — был ли то панцирный доспех обычного воина или катафрактария (т. е. бронированного воина, сражавшегося на бронированном коне).

Как рано появилось защитное панцирное вооружение у среднеазиатских народов? Геродот (I, 215), говоря о группе кочевых племен, которые обитали восточнее живших в Закаспии даев и которые фигурируют под собирательным именем массагетов, отметил, между прочим, что нагрудные панцири их лошадей делаются из меди; речь здесь идет не о сплошной панцирной броне, а лишь о защитных нагрудниках. При характеристике же вооружения самих воинов Геродот ни словом не упоминает о панцирях, но лишь подчеркивает, что «по одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов». Как известно, в скифской (и в раннесарматской) среде VI—IV вв. до н. э. металлическое панцирное вооружение не занимало сколько-нибудь видного места. При всем том существование еще в эту пору легких кожаных панцирей, не стесняющих движения кавалериста-лучника или копейщика, в степной среднеазиатской среде почти несомненно. Тяжелая же металлическая броня появилась здесь в более позднее время.

Принципиальное значение имеют раскопки, осуществленные Хорезмской экспедицией вне собственно Хорезма, на нижней Сыр-Дарье. Погребальные сооружения местной знати на городище Чирик-Рабат (по С. П. Толстову — племени апасиаков) дали разнообразный инвентарь, в том числе оружие, причем в одном из этих погребений оказались прямоугольные и продолговатые железные пластины панциря⁸. Памятник датируется IV—II веками до н. э., поскольку среди предметов вооружения имеется характерный набор железных трехгранных черешковых наконечников стрел. Показателен здесь самый факт применения железного оружия — в том числе железных, а не бронзовых панцирных пластин. Еще Геродот (I, 215) подчеркивал, что у массагетских племен все предметы из золота и меди, железа и серебра они вовсе не употребляют, поскольку этих металлов нет в их стране. Железные предметы вооружения среди населения низовьев Сыр-Дарьи могли появиться лишь в процессе установления контактов со странами развитого железоделательного промысла, особенно с могущественной Парфянской державой, ко-ренныи земли которой граничили на севере с Хорезмом.

Страбон (XI, 8, 6), повторяя сведения Геродота о массагетах, среди предметов их вооружения уже называет наряду с луками, мечами и топорами также панцири. Однако следует учесть, что Страбон жил позже Геродота на четыре столетия и в его время панцири были уже широко распространены в среднеазиатской военной среде, в том числе, очевидно, и среди тех степняков, которых древние авторы объединяли под термином «массагеты».

В обоснование своего тезиса С. П. Толстов привлекает монеты, геммы и терракоты античного Хорезма. Однако нельзя не отметить следующего: ни на одном из этих памятников не видно панцирного вооружения не толь-

⁷ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.), ТХЭ, I, М., 1952, стр. 34.
⁸ Толстов, По древним дельтам..., стр. 148, 150, рис. 82; С. А. Трудновская, Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат, МХЭ, вып. 6, М., 1963, стр. 209 сл.

ко на коне, но и на всаднике. Наоборот, тонкие силуэты их явственно свидетельствуют, что здесь представлен легковооруженный всадник-лучник или копейщик на легком коне. Отчетливое изображение подобного древне-хорезмийского всадника, мчащегося с копьем, можно видеть на фрагменте терракотовой фляги III—II вв. до н. э. из Кой-Крылган-Калы⁹. Неубедительно и привлечение изображений конных воинов на Аниковском блюде Эрмитажа. Во-первых, как отмечает сам автор, блюдо это восходит к VI—VII вв., т. е. не к античной, но к совершенно иной, раннефеодальной эпохе, когда приемы вооружения и тактики боя претерпели существенные изменения в сравнении с античным временем. Во-вторых, на Аниковском блюде представлены не катафрактарии (ибо кони здесь панцирей не имеют), но одетые в недлинную кольчугу рыцари, вооруженные кто луком, кто мечом, кто булавою. И, наконец, хорезмийское происхождение Аниковского блюда нельзя считать доказанным: анализ архитектуры изображенного здесь средневекового замка¹⁰ и особенно образов воинов, ближайшие аналогии которым дает живопись Пянджикента¹¹, свидетельствует в пользу его согдийского, а не хорезмийского происхождения.

Итак, выдвинутая С. П. Толстовым концепция о хорезмийских лучниках-катафрактариях и их определяющей роли в развитии военного искусства среднеазиатской античности в целом остается в сфере недоказанных гипотез.

Но существовали ли вообще хорезмийские катафрактарии в виде тяжеловооруженных воинов — лучников? Стрельба из лука требует маневренности, подвижности воина-стрелка. Закованный в панцирь всадник на бронированном коне к этому мало приспособлен, его главное боевое оружие — копье и меч, а если у него сбоку и приторочен колчан со спущенным луком и стрелами, то лишь как запасное оружие дальнего действия. Ведущий принцип боя на азиатском Востоке определялся взаимодействием легковооруженных лучников и бронированных копейщиков (вооруженных также мечом) — это была проверенная тактика эллинизированных восточных армий. Ее-то и применил Сурена против римской армии, и вряд ли приемлемо предположение, будто закованные в доспехи из маргианской стали парфянские катафрактарии сами же осыпали римлян градом стрел. Эту задачу выполняли легкие лучники, о чем прямо говорится у Плутарха: «Прислужники и оруженосцы, разъезжая вдоль флангов, стали пускать стрелы, а передовые бойцы, действуя копьями, стеснили римлян на малом пространстве — исключая тех немногих, которые решились, дабы избежать гибели от стрел, бросаться на врагов, но, не причинив им большого вреда, сами умирали скорой смертью от тяжких ран; парфяне вонзали во всадников тяжелые, с железным острием копья, часто с одного удара пробиравшие двух человек» (Cras., XXVII).

Но каково было панцирное вооружение крупных военных контингентов рабовладельческих государств, сформировавшихся на территории Парфии и Бактрии, в областях древнейших оседло-земледельческих культур? Наше представление о них восполняют новые данные археологии и изобразительного искусства. Пока выпадают ахеменидский и македоно-селевкидский этапы — здесь будущее за археологией, но начиная со времени создания в III в. до н. э. Греко-бактрийского и Парфянского царств уже могут быть привлечены конкретные материалы.

⁹ Толстов, По древним дельтам..., рис. 65 е.

¹⁰ Г. А. Пугаченкова, Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», II, Ташкент, 1950, стр. 23 сл.

¹¹ А. М. Беленицкий, Новые памятники искусства древнего Пянджикента, «Скульптура и живопись древнего Пянджикента», М., 1959, стр. 51 сл.

В процессе исследований, осуществлявшихся ЮТАКЭ на городище Старая Ниса, которое представляет собой остатки царской крепости Митридатокерт, основанной Митридатом I (171—138 гг.), разнообразный вещевой материал был получен при раскопках так называемого Квадратного дома¹². Здание это служило хранилищем посвященных реликвий, связанных с династическим культом Аршакидов, представители старшей ветви которых, по свидетельству Исидора Харакского (12), покоились в парфянской Нисе-Парфавнисе. Несмотря на беспощадное разграбление

Рис. 1. Изображение Ареса на парфянском ритоне из Нисы

Квадратного дома после падения династии Аршакидов, здесь все же сохранились остатки брошенных грабителями вещей II—I вв. до н. э. Особенно интересны выточенные из слоновых бивней скульптурно оформленные ритоны II в. до н. э. Среди сюжетов этого оформления характерен цикл 12 олимпийских божеств, которые переданы в «парфянизированной» интерпретации образов, явно почерпнутых из репертуара эллинистического искусства. Для нашей темы важно изображение Ареса¹³ (рис. 1). Бог войны представлен в панамообразном шлеме с заломами с боков и над лбом, в кирасе, плотно облегающей торс до бедер, которые прикрыты двумя, реже — тремя рядами крупных панцирных пластин (такие же, но более мелкие пластинки у плеч), в облегающих ногу сапожках с треугольными отворотами; одной рукой он опирается о копьё, другой — на подвешенный у левого бедра небольшой меч. Подобного изображения Ареса не знало греческое ваияние, где бог войны — обычно нагой, в аттическом шлеме, с оружием в руках, иногда с перекинутым через плечо плащом¹⁴. Резчики нисийских ритонов придали Аресу облик эллинизированного воина: в кирасе

¹² М. Е. Массон, Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1953, № 1, стр. 149 сл.; М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы, «Труды ЮТАКЭ», IV, Ашхабад, 1959, стр. 18 сл., 231 сл.

¹³ Там же, стр. 164 сл.; альбом, табл. III, VI, XIII, XXII, XXVI, XXX, XXXIV.

¹⁴ L. Weisser, Bilderatlas zur Weltgeschichte, Stuttg., 1885, табл. 78; S. Reinach, Répertoire de la statuaire grecque et romaine, III, P., 1896, стр. 346—347, 349.

¹⁵ F. Koerp, Alexander der Grosse, Bielefeld — Lpz, 1899, рис. 4, 8.

¹⁶ Г. А. Пугаченкова, Халчайнская Афина, ВДИ, 1962, № 2, стр. 160—161.

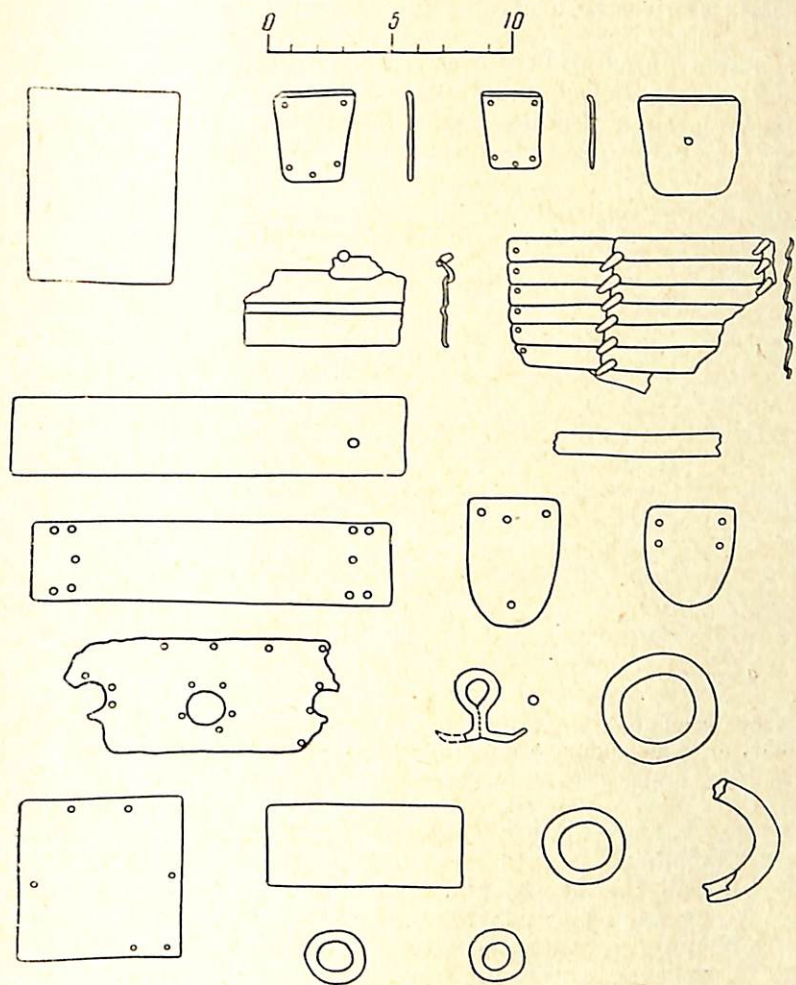

Рис. 2. Типы железных пластин от панциря из Квадратного дома парфянской Нисы

среде аршакидского двора могла сочетать македоно-селевкидскую военную традицию с чисто парфянским элементом. В бою такой конный воин мог действовать с расстояния копьём, вблизи же биться мечом.

Существование панцирного вооружения в раннепарфянской воинской среде еще в эпоху старших Аршакидов подтверждает находка в том же Квадратном доме Старой Нисы разрушенных ржавчиной остатков панциря. От него сохранились крупные и малые набегающие друг на друга прямые железные пластины и множество мелких пластинок со скругленными краями и с проушинами для нашивания на кожаную основу, при этом чешуйки, очевидно, накладывались друг на друга (рис. 2). Поскольку ко времени разграбления дома панцирь уже пришел в такую негодность, что грабители даже не сочли нужным унести его, то очевидно, что изготовлен он был задолго до этого; а так как Квадратный дом был не просто складом вещей, но хранилищем посвященных царских реликвий, можно предполагать, что панцирь принадлежал кому-то из выдающихся членов аршакидской династии, может быть, самому основателю Митридатокерта

Митридату I, в силу чего и сохранялся на протяжении веков как объект почитания.

Среди фрагментов глиняных статуй, оформлявших главный дворцовый зал в Старой Нисе («Зал обожествленных предков») и, вероятно, передававших образы членов династии старших Аршакидов, были найдены детали крупных, набегающих друг на друга панцирных пластин военного костюма¹⁷.

Образ бронированного парфянского воина проникает на крайний восток парфянских владений. В так называемом индо-парфянском монетном чекане привлекают внимание монеты Вонона (около 105 г. до н. э.),

Рис. 3. Изображение панцирного вооружения на монетах: а) индо-парфянского царя Вонона, б) индо-сакского царя Азеса I, в) кушанского царя Васудевы I

на которых представлен царь в панцире верхом на коне¹⁸ (рис. 3а); ему подражали и в изображениях всадников в броне на монетах индо-сакских царей Азеса I (рис. 3б) и Азеса II¹⁹. Разобрать на монетных кружках большое количество деталей не представляется возможным, но отчетливо видны пластины на панцире всадника, в то время как конь его панцирного вооружения не имеет. На помощь приходят некоторые памятники так называемой гандхарской скульптурной школы из области Свата, входившей некогда во владения индо-парфянских и индо-сакских царей²⁰. Воины-всадники здесь одеты в облегающие короткие чешуйчатые панцири с защитными пластинчатыми наплечниками и вооружены мечами. Тип панциря представляет локальную трансформацию эллинистической кирасы.

Данные письменных источников позволяют составить реальное представление о военном облачении ударного парфянского войска I в. до н. э. — I в. н. э. Юстин, исторический труд которого основан на данных Помпея Трога, указывает, что защитой парфянским воинам и их коням служили облегающие тело чешуйчатые панцири (XI, 1, 2). О том же свидетельствует и Плутарх, согласно которому ударные конники парфянского войска Сурены были одеты в доспехи — шлемы и латы из ослепительно сияю-

¹⁷ Л. И. Ремпель, Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, «Труды ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1949, рис. 34.

¹⁸ J. de Morgan, Manuel de numismatique orientale, P., 1923—1936, стр. 375, рис. 471.

¹⁹ Там же, стр. 377, рис. 474; стр. 379, рис. 476.

²⁰ D. Fassin, Sculptures from the Sacred Area of Butkara, I (Swat, Pakistan), Roma, 1964, табл. CDLXX—CDLXXVI.

щей маргианской стали — и восседали на конях также в латах — медных или железных (Cras., XXIV). Он отмечает, что парфянские панцири делались из сыромятной кожи или из железа и выдерживали любой удар (Cras., XVIII, XXV).

По-видимому, к началу нашей эры восходит парфянский терракотовый рельеф Британского музея ²¹ (рис. 4). На нем представлена сцена охоты: бородатый всадник, одетый в чешуйчатый от плеч и до лодыжек панцирный костюм, в своеобразном овальном шлеме, охватывающем голову до плеч, с рельефной оторочкой по краю и как бы с козырьком надо лбом, налетает с копьем на льва с огромной, уродливой головой, изображенного

Рис. 4. Парфянский всадник. Рельеф Британского музея

очень наивно. Этот всадник в целиком чешуйчатом костюме напоминает отбивающихся от римлян «варваров»-катафрактариев на рельефе колонны Траяна, которые с ног до головы, так же как и их кони, одеты в сплошную панцирную чешую ²² (рис. 5). Некоторые исследователи усматривали в них сарматов, однако столь выдающийся сарматовед, как М. М. Ростовцев, допуская подобную интерпретацию, все же считал, что сказать с определенностью, кто эти всадники, — нельзя ²³. Судя по причерноморским памятникам собственно сарматского искусства, в среде сарматов широко распространен был несколько иной тип конного воина — в овально-ребристом шлеме и в поколенной кольчуге, сидящего на открытом, лишенном защитного вооружения коне ²⁴. Таковы сарматы в росписях склепа, открытого в 1872 г. ²⁵, на рельефе Трифона из Танаиса ²⁶, на рельефе триумфаль-

²¹ R. G h i r s h m a n, Iran. Parthes et Sassanides, P., 1962, рис. 122.

²² W e i s s e r, ук. соч., табл. 63, 20.

²³ М. М. Р о с т о в ц е в, Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 332.

²⁴ Там же, стр. 328 сл.

²⁵ Там же, атлас, табл. LXXVIII—LXXIX.

²⁶ Там же, стр. 330—331, атлас, табл. LXXXIV, 3.

ной арки Галерия в Солуни ²⁷. Возникает вопрос — не парфянские ли катафрактары представлены на упомянутом рельефе колонны Траяна? Парфянский катафрактарий изображен на известном граффити из Митреума Дура-Европос (III в.) (рис. 6). Конь его одет в панцирную попону, которая облегает голову и покрывает весь корпус, ниспадая ниже коленных сгибов ног. Всадник — в заостренном шлеме с кольчужной бармицей и в панцире, который составлен из двух рядов крупных пластин на груди и животе и мелкочешуйчатых у плеч и на бедрах, руки и ноги его защищены длинными наручами и поножами из горизонтально набегающих пластин, которые не стесняют движений и не мешают сгибу плеч и локтей, лодыжек и колен ²⁸.

Рис. 5. Сражение римлян с парфянскими (?) катафрактариями. Прорисовка рельефа на колонне Траяна в Риме

Заключительный этап эволюции парфянского панцирного вооружения мы видим на Фирузабадском наскальном рельефе, прославляющем победу Ардашира над Артабаном V (226 г.) ²⁹. Событие это передано в виде поединка трех пар тяжеловооруженных всадников, в котором Сасаниды одерживают полную победу над своими парфянскими соперниками: сам Ардашир одолевает Артабана, наследник престола Шапур поражает великого везира, в третьей паре бьются два представителя высшей персидской и парфянской знати. Несмотря на последующую нарочитую порчу изображений, здесь сохранился ряд выразительных деталей. Парфяне представлены в овальных шлемах с шишаком и султаном, в кирасах, облегающих торс до бедер, а ниже составленных из мелких пластинок, в длинных горизонтально-пластинчатых наручах и поножах (рис. 7). Защитное вооружение их противников — персов — отлично по типу, оно состоит из облегающей грудь кирасы с кольчужными рукавами и набедренной частью и горизонтально-пластинчатых поножей.

Интересно подчеркнуть, что если основатель Парфянского царства Аршак представлен на монетах в традиционной «скифской» одежде легкоподвижного лучника, то на Фирузабадском рельефе последний Аршакид Артабан V (как и его сподвижники) с ног до головы закован в броню.

²⁷ Ростовцев, ук. соч. атлас, табл. LXXXVI.

²⁸ M. Rostovtzeff, *L'art gréco-iranien*, «Revue des arts asiatiques», VII 1931—1932, табл. LXIV.

²⁹ Ghirshman, ук. соч., стр. 125, рис. 163—166.

На востоке от коренных парфянских земель привлекает особое внимание древняя Бактрия как область высокого развития военного дела. Уже Геродот, передавая события Греко-персидских войн, отмечает видную роль бактрийских военных контингентов в ахеменидской армии. В битве при Платеях бактрийцы входили в один из главных ударных отрядов, вслед за собственно персами и мидийцами; лишь после бактрийцев следовали индийцы, затем саки, далее фокитидяне и другие. «Мною поименованы многочисленнейшие из народов, распределенных Мардонием; они же наиболее известны и значительны» (Herod., IX, 31—32). Геродот не сообщает подробностей о деталях бактрийского вооружения, упоминая лишь, что среди

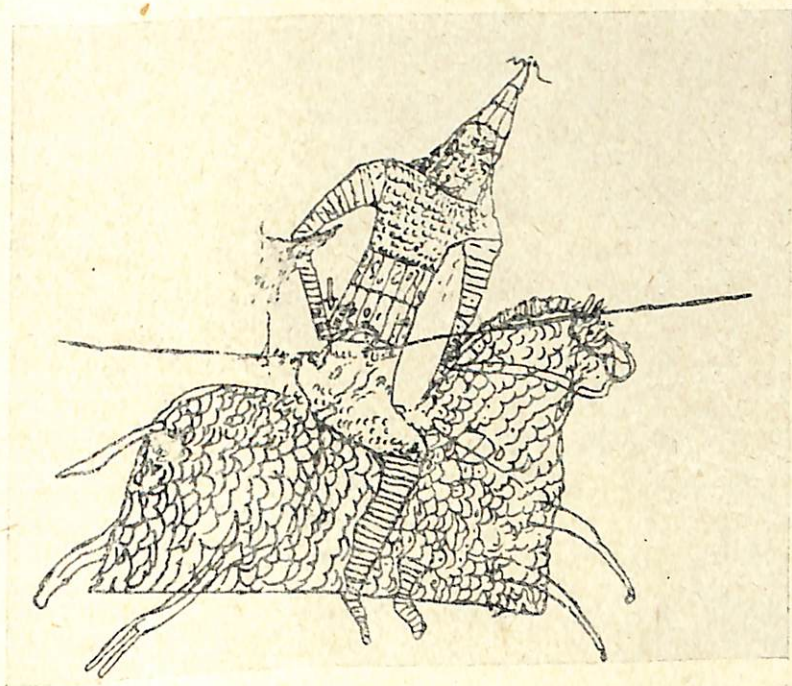

Рис. 6. Парфянский катафрактий. Граффити из Дура-Европос

них были пешие и конные воины, что головные уборы их подобны мидийским, «но луки у них тростниковые, бактрийские и копыя короткие» (VII, 64, 86). Быть может, именно бактрийский воин в «мидийском» по типу головном уборе, в поколенном, перепоясанном кафтане или рубахе и в длинных штанах, с невысоким — в человеческий рост — копьём изображен на золотой пластинке из так называемого аму-дарьинского клада³⁰. Панцирной брони на нем нет.

Памятники изобразительного искусства пока не дают прямых свидетельств о том, было ли у бактрийцев панцирное вооружение в ахеменидское время; однако они не дают их и для самой персидской армии, хотя имеется прямое свидетельство Геродота о железных чешуйчатых панцирях персидских воинов (VII, 61; VIII, 113). Тот факт, что бактрийцы входили в состав главных ударных конных контингентов армии Ксеркса, позволяет предположить вероятность в их составе одетых в защитные панцири копейщиков, наносивших противнику конный шок.

³⁰ R. G h i r s h m a n, *Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides*, P., 1963, рис. 121.

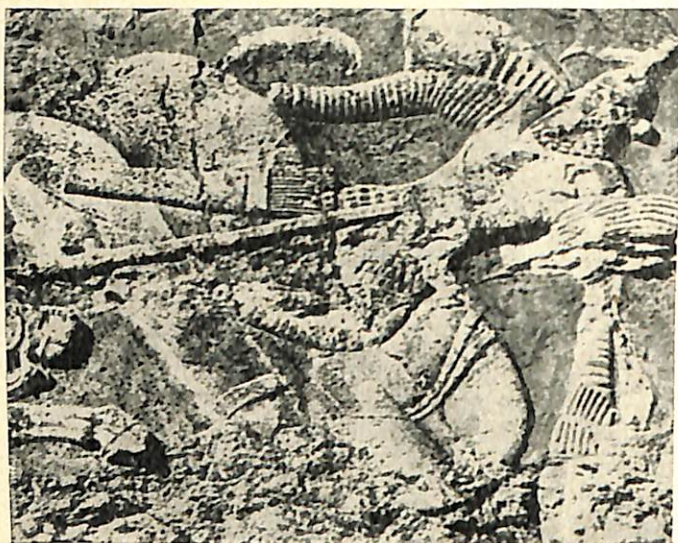

Рис. 7. Изображение парфянского воина на наскальном рельефе в Фирузабаде

Что касается периода Греко-бактрийского царства, то можно было бы ожидать, что греко-бактрийские бесилевсы, культивировавшие при дворах греческие традиции, ввели в свое вооружение эллинистические кирасы и шлем. Между тем правители II в. до н. э. — Эвкратид, Менандр, Лисий, Филоксен, Аполлофан и другие — изображены на монетах в профиль, в шлемах отнюдь не греческого, а специфически местного вида — с высокой овальной тульей и панамообразными полями³¹. Выше уже говорилось о сходных шлемах у Аресов и Афин, — очевидно, они имели заметное распространение в эллинизированной среднеазиатской среде. Не менее интересен и тип греко-бактрийской кирасы, представленной на очень редкой группе монет Архебия³² (рис. 8). Здесь под плащом виден не гладкий нагрудный доспех, который характерен для эллинистического вооружения (напомним хотя бы военный костюм Александра Македонского, известный по многочисленным памятникам искусства³³), но мелкочешуйчатая кираса, очевидно, специфическая для местной бактрийской среды.

Рис. 8. Греко-бактрийские шлем и панцирь. Монета Архебия

Совершенно новый материал для характеристики панцирного вооружения Бактрии вносит глиняная скульптура из халчаянского дворца. Археологическое исследование городища Халчаян на побережье Сурхан-Дарьи (одного из главных аму-дарьинских притоков)

³¹ J. de Morgan, ук. соч., рис. 436, 437, 439, 442, 453, 459.

³² Коерр, ук. соч., рис. 2—4, 8.

³³ R. Curiel et G. Fussman, Le trésor monétaire de Kunduz, MDAFA, XX, P., 1965, табл. LIII, № 624, 625.

показало, что оно представляет собой остатки значительного по своим размерам бактрийского города, возникшего еще в IV—III вв. до н. э. и погибшего в III—IV вв. Создание великолепного скульптурного цикла, украшавшего дворцовое здание, восходит к I в. до н. э. и связано с прославлением династической ветви царя Герая из рода Кушанов, о принадлежности к которому он сообщает на своих монетах ³⁴.

Для нас представляют определенный интерес изображения на монетах Герая ³⁵. На лицевой стороне их передан энергичный профиль царя с непокрытыми волосами, перехваченными ремнем. На обороте представлен царь, восседающий на коне и венчаемый парящей Никой — сюжет этот явно свидетельствует о какой-то славной победе Герая. И хотя миниатюрность изображений не позволяет рассмотреть детали, нетрудно увидеть, что одет царь в мягкую, перепоясанную рубаху или кафтан и длинные, перехваченные у лодыжек штаны и что справа у него приторочен длинный колчан. Изобразительный мотив реверса (царь на коне вправо) явно восходит к индо-парфянскому и индо-сакскому монетным типам, но там, как уже было указано выше, государь представлен в панцирном вооружении. Герай же фигурирует в образе легковооруженного лучника, чем несомненно подчеркивается ведущая роль в ранней кушано-юеждийской военной среде легкоподвижного лучника. В силу этого нет оснований считать, будто для «массагетов-юеждей» периода их продвижения в Бактрию характерен был тип лучника-катафрактария ³⁶.

О том же свидетельствует и скульптура Халчаяна. Здесь в южной части главного зала находилась композиция из группы всадников-лучников, стреляющих на скаку, весь облик которых — прическа, особая искусственная деформация лба, форма стрижки растительности, одежда в виде драпирующейся перепоясанной рубахи и просторных перетянутых у щиколотки штанов — полностью совпадает с изображениями на монетах Герая, не оставляя сомнений в принадлежности этих всадников к Гераеву роду Кушан.

Наряду с этим в халчаянской скульптуре имеется иная группа воинов в панцирной одежде. В числе фрагментов были найдены две мужские головы в шлемах ³⁷, объемно моделированная нагрудная часть доспеха (рис. 9), правая наручь от исчезнувшей статуи, горельеф с изображением панциря от плеч до колен (рис. 10). И хотя фрагментарность скульптур не позволяет полностью воссоздать облик этих воинов, основная схема защитного вооружения предстает здесь достаточно отчетливо.

Прежде чем перейти к его характеристике, отметим следующее существенное обстоятельство: этнический облик воинов в доспехах радикально отличен от Гераевых сородичей халчаянской скульптуры: иные черты и общий склад лица, иная стрижка растительности — густой черной бороды и ниспадающих усов. Но кто же они? Представлены ли здесь бактрийцы — не «греко-бактрийцы», но то коренное население Бактрии, которое с конца II в. до н. э. подчинилось Кушанам, захватившим приамударьинские области? Или же это представители другой, не Гераевой группы вторгшихся в Бактрию засырдарьинских племен, которым мог быть присущ иной этнический облик (напомним, что в древних хрониках говорится о пяти племенах, к I в. до н. э. осевших в былых греко-бактрийских вла-

³⁴ Г. А. Пугаченкова, Скульптура Халчаяна, «Искусство», 1964, № 6, стр. 60 сл.; она же, К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории), ВДИ, 1965, № 1, стр. 127 сл.

³⁵ См. А. Н. Зограф, Монеты Герая, Ташкент, 1937.

³⁶ Толстов, Древний Хорезм, стр. 227.

³⁷ Пугаченкова, Скульптура Халчаяна, рис. на стр. 62.

дениях ³⁸, и что Страбон (XI, 8, 2) называет в числе племен, «которые отняли у греков Бактриану», асиев, пасианов, тохаров и сакаравлов)?

Против последнего предположения говорит то обстоятельство, что объединение разрозненных юеждийских племен под гегемонией Кушан произошло не при Герае, но лишь при Кадфизе I, т. е. около начала I в. н. э. Следовательно, в халчаянском дворце наряду с Гераевыми сородичами фигурируют, очевидно, те представители локальной бактрийско-сагганаанской военной знати, прочные контакты с которой способствовали закреплению политических позиций Кушан в областях Северной Бактрии.

Рис. 9. Панцирный доспех. Часть глиняной статуи из Халчаяна

Рис. 10. Панцирный доспех. Глиняный горельеф из Халчаяна

Таким образом, халчаянская скульптура передает местное, не затронутое эллинистическим влиянием бактрийское панцирное вооружение I в. до н. э., создание которого, несомненно, восходит к более древним временам и связано с более древними традициями.

На голове у обоих воинов из Халчаяна оригинальный шлем овальной формы, по шею облегающий череп, с козырьком надо лбом (рис. 11). Шею защищает не бармица, как у парфянского катафракта из Дура-Европос, а высокий округлый ворот панцирного доспеха. Ворот этот имеет глубокую, чашеобразную форму. Нагрудная часть доспеха, составленная из крупных прямоугольных пластин, плотно охватывает фигуру, а далее наподобие кафтана расширяется к коленам, чтобы не стеснять движения воина, особенно на коне (до пояса насчитывается по четыре пластины в четырех рядах, а ниже пояса — по восьми в четырех рядах). Руки защищены наручами, составленными, как и в парфянском вооружении, из горизонтально набегающих, не стесняющих движения пластин. Ноги, к сожалению, не сохранились.

Исключительный интерес среди халчаянских фрагментов представляют также протомы коней этих воинов. Коня легких воинов-лучников имели очень своеобразное седло и закрепленную фаларами ремennую сбрую,

³⁸ Н. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 184.

не находящую параллелей в конной упряжи древнего мира, но, очевидно, характерную именно для кушанской среды. Для тяжелых воинов в броне предназначались иные кони. Сохранилась протема одного из них. Конь одет в бронированную попону, которая на шее и груди составлена из крупных продолговатых пластин, мелко-чешуйчатый намордник плотно облегал морду, оставляя открытыми нос, уши и глаза. Намордник красный, разрисован черными линиями, на шее броня расчерчена черными и красными линиями по белому фону; вдоль гривы проходит узорная оторочка (рис. 12). Совершенно несомненно, что подобный бронированный конь

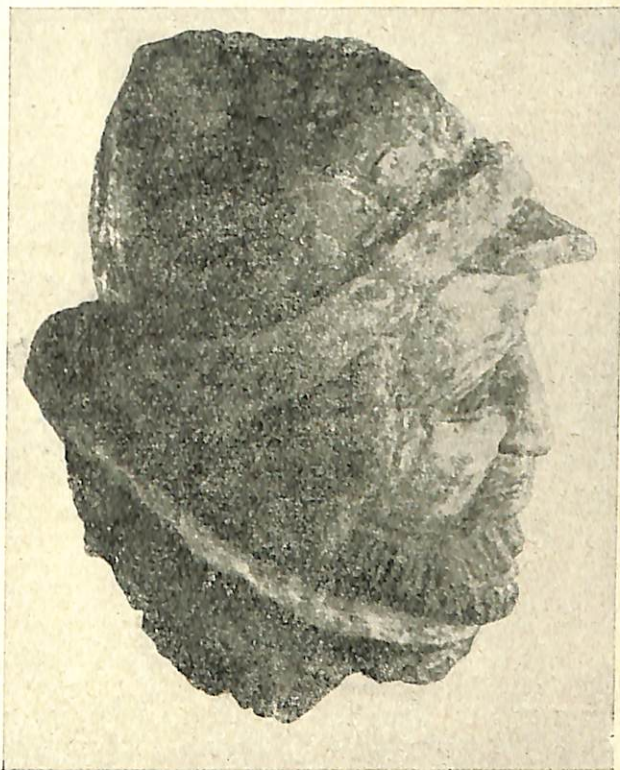

Рис. 41. Голова воина. Глиняная скульптура из Халчаяна

предназначался для бронированного всадника, и, следовательно, мы можем с полным правом говорить о существовании в I в. до н. э. бактрийских воинов-катафрактариев, вошедших в состав раннекушанских военных контингентов, где преобладали легкоподвижные воины — стрелки.

Изготовление сложных бронированных конских попон, как и панцирных доспехов воина, могло быть делом очень искусных оружейников, сконцентрированных в специализированных оружейных мастерских, существовавших в условиях развитого городского ремесла античной Бактрии.

Тип панцирного вооружения, отображенный в скульптуре Халчаяна, сохранился в среднеазиатской среде и в эпоху Великих Кушан. В чекане Васудевы I (около 180—230 гг.) государь представлен с копьём и мечом, в полном панцирном вооружении³⁹ (рис. 36). Этот военный костюм в основном совпадает с доспехами халчаянских статуй: облегающая грудь

³⁹ М о г г а н, ук. соч., рис. 611, 620.

и расширяющаяся от пояса до колен пластинчатая кираса, поножи и наручи, составленные из горизонтально набегающих пластин, овальный шлем на голове. При некоторых отличиях в деталях вполне очевидна преемственность военного костюма Великих Кушан от того бактрийского панцирного вооружения, которое, судя по халчаянской скульптуре, имело на почве Бактрии вполне разработанный характер уже в I в. до н. э., а сформировалось, вероятно, значительно раньше.

Рис. 12. Конь в панцирной броне. Глиняная скульптура из Халчаяна

Итак, рассмотренные изобразительные и археологические памятники, в сопоставлении со скудными сообщениями древних авторов, позволяют прийти к следующим выводам.

Если отдельные детали панцирного вооружения воина и коня и существовали в Средней Азии уже около середины I тыс. до н. э., преобладали в войске легкоподвижные всадники-лучники и копейщики. В эпоху Ахеменидов у среднеазиатских народов, живших в областях оседло-земледельческих культур и развитых городских цивилизаций, существовали хорошо организованные воинские контингенты, которых Ахемениды привлекали для участия в ответственных сражениях. Первостепенная роль среди них принадлежала бактрийцам. Высоко ценились и отважные кочевники-саки («саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, наудачу стрел не пускающие» — по определению Дионисия Периегет-

та ⁴⁰). Вооружение парфян, хорасмиев, согдов, гандариков и дадигов было аналогично бактрийскому (Herod., VII, 66), но роль их в ахеменидских армиях оставалась второстепенной. Нет оснований преувеличивать роль Хорезма-Кангхи (кстати, далеко не доказанный синоним) как якобы области, определившей в античную эпоху формирование ведущих черт военного искусства Средней Азии.

В IV—III вв. до н. э., после македонских и селевкидских завоеваний Средней Азии, в Бактрии и Парфии как областях непосредственных контактов с культурой эллинизированного мира новые принципы эллинистических армий оказывают определенное влияние на местное военное искусство.

Развитие его длилось свыше полутысячелетия. Оно связано с расцветом в Средней Азии рабовладельческой системы, формированием крупных государственных образований и соответственно с крупными военными операциями, требующими сложных стратегических планов и разработанной тактики боя. В отличие от греко-римских армий роль пехоты здесь была сравнительно невелика, и ведущее значение имели конные контингенты легкоподвижных лучников и одетых в защитную броню копейщиков.

Появление на Среднем Востоке воина-катафракта могло быть обусловлено лишь потребностями боя с высокоорганизованными пехотными

⁴⁰ Цит. по кн.: Григорьев, ук. соч., стр. 125.

соединениями — такие войны сминают пехоту, их основная задача — массированный конный шок. Главным видом военных контингентов среди тех жителей бескрайних среднеазиатских просторов, которых греческие авторы объединяют под собирательным наименованием скифов, массагетов, саков, являлись легкоподвижные кавалеристы, хотя в среде кочевнической знати, по-видимому, и применялось тяжелое защитное вооружение. Формирование соединений тяжеловооруженных копейщиков и мечеборцев на бронированных конях, т. е. собственно катафрактариев, могло начаться не в степной среде, а в системе организованных армий тех крупных государств, которые сложились на территории старых оседло-земледельческих культур Бактрии и Парфии, на основе опыта поражений, нанесенных в IV в. до н. э. местным воинским соединениям великолепной македонской и селевкидской пехотой.

Что касается эволюции панцирного вооружения, то, как показывают археологические и изобразительные памятники, в Парфии и Бактрии в III—II вв. до н. э. у какой-то части воинов существует кираса эллинистического типа, но многие детали защитного вооружения имеют чисто локальные черты. К концу II—I вв. до н. э., в пору блистательных военных побед Аршакидов и сако-юежджийских вторжений в Бактрию, окончательно вырабатывается вполне самостоятельный тип панцирного вооружения парфянского и бактрийского воинов, а также бронированного коня. Это подтверждают монетные изображения, скульптура Халчаяна и описание разгрома парфянами армии Красса. Из Парфии в III—II вв. до н. э. этот тип панцирной кирасы воина, составленной из железных пластин, мог проникнуть и в северную полукочевую среду (погребение воина в Чирик-Рабате).

Роль панцирного вооружения была весьма значительной в парфянской и кушанской среде и в I—III вв.; реальное представление о нем дают парфянский катафрактарий на граффити из Дура-Европос, изображение вооруженного царя в чекане Васудевы, образы сражающихся Аршакидов на Фирузабадском наскальном рельефе.

Таким образом, не предполагаемый тяжелобронированный хорезмский лучник-катафрактарий, но сосуществование легко- и тяжеловооруженных конных воинских соединений парфянской и бактрийско-кушанской среды определило на Среднем Востоке применение в первые века до и после начала н. э. той главной тактики боя, которая была основана на взаимодействии легкоподвижных стрелков-лучников и массива бронированных воинов, вооруженных копьем и мечом⁴¹. Красочная картина битвы при Каррах, нарисованная Плутархом, передает столь же экспрессивное литературное воплощение такого боя, сколь пластические образы халчаянского дворца и Фирузабадского рельефа воссоздают реальное представление об участниках подобных битв.

Панцирное вооружение народов античного Среднего Востока войдет и в раннефеодальное военное дело, претерпев, однако, существенные модификации. Многочисленные предарабские памятники изобразительного искусства — росписи Пянджикента, скульптура и живопись Восточного Туркестана, сасанидские рельефы, среднеазиатский и иранский художественный металл — дают тому наглядное подтверждение. Но в эту эпоху действует уже иной контингент воинов, иные и принципы боя — главными силами в сражении теперь являются не царь и его ближайшие родичи во главе огромных армий, а рыцари-дихканы со своими дружинами. Это уже новая страница истории военного дела Средней Азии, связанная с эпохой формирования феодального общества на Среднем Востоке.

⁴¹ Е. А. Р а з и н, История военного искусства, I, М., 1955, стр. 396—397.